

Марина

Марина Семенова

Ловушка для папы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17036012

Аннотация

Сколько бы не было написано книг о Любви – все равно будет мало.. Тема любви вечна, как вечен вопрос – почему люди не могут быть счастливы вместе? Кто-то ищет на него ответ, кто-то смиряется и страдает... Противоречия и конфликты, как бы парадоксально это не звучало, заставляют человека совершенствоваться, развиваться. Семья это не полигон для испытаний и не поле битвы. Дома каждый человек хочет чувствовать себя комфортно... Для этого необходимо только одно – знать и понимать из чего складываются отношения мужчины и женщины, мужа и жены, родителей и детей.. А для того, чтобы знать и понимать, нужно читать правильные книжки.. Читать и думать над прочитанным. А не хочется думать – просто наслаждайтесь : юмором, легким стилем письма, неожиданными сюжетными поворотами.. “Ловушка для папы”, как и все другие книги Марины Семеновой, помогает нам лучше понимать друг друга, предлагая множество перекидных «мостиков» в стране Взаимопонимания и Любви...

Содержание

Ловушка для папы	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина Семенова

ЛОВУШКА ДЛЯ ПАПЫ

Ловушка для папы

Есть ли в твоей жизни что-то такое, о чем вспоминать совсем не хочется? Ну, то есть совершенно. Ну, то есть абсолютно. Ну, то есть НИКОГДА. Не потому, что больно и обидно, а потому что стыдно. Вспоминаешь и – горячая, душная волна стыда разом накрывает тебя с головой.

Говорят, что к концу жизни у каждого из нас появляется свой «скелет в шкафу». Или парочка «скелетов». Словом, что-то такое, что здорово портит тебе биографию, а солидным и важным людям их рейтинг. Если хочешь знать дословно, что такое «рейтинг» – набери в Гугле. А мне сейчас совсем не хочется вылезать из-под теплого одеяла, нашаривать ногой тапочки, жать на кнопки и елозить мышкой по коврику.

Сейчас – я настроена на исповедь. Сейчас, я достану из шкафа свой первый «скелет» и расскажу тебе свою историю.

В жизни мне изначально повезло. Я явилась миру в благополучной, достойной семье, где все вместе и каждый в отдельности были счастливы.

Мои родители познакомились совсем юными. В ту же секунду влюбились друг в друга насмерть и, целомудренно отвлечавшись три долгих года, сочетались законным браком. В день свадьбы мой дед (папин папа) совершил по тем временам невозможное. А именно: торжественно вручил молодоженам ключи от небольшой квартирки на берегу Днепра, где ровно через девять месяцев (как и положено) поселилась и я. Здоровый, беспроблемный ребенок, с массой достоинств и талантов, которыми родители мои очень и очень гордились. И всячески во мне их развивали. Теперь я могу похвастаться ровной «гимнастической» осанкой, поставленной дикцией и безупречным исполнением «Лунной сонаты» Бетховена. В моей комнате на антресолях среди всего прочего барахла можно отыскать запыленный этюдник и коньки, а на балконе рассохшиеся лыжи.

Мама, к счастливому моменту моего рождения успела-таки окончить институт и получить диплом экономиста, но с распределением «пролетела». То есть, не получила направления на работу и плотно застряла дома.

Если в первый год моего безмятежного существования мама еще вставляла в разговоре с подругами фразу: «... Вот, когда я буду работать...», то года через три стала совершенно «одомашненной» женой и, на радость мне и папе, о работе больше не заикалась.

К тому времени в нашей семье появился первый автомобиль. Моему второму деду (теперь уже- маминому папе) все эти годы не давал покоя свадебный подарок свекра, и он, в конце концов, решился на ответный ход – отдал нам свой «жигуленок», вместе с гаражом и комплектом новеньких покрышек. Дедушка Федя (в прошлом армейский водитель) автомобиль свой любил, холил и лелеял, поэтому двенадцатилетний «жигуль» выглядел вполне пристойно и бегал еще достаточно резво.

По малолетству мне еще были неведомы такие понятия, как комфорт и престиж, поэтому я вздохнула радовалась дедушкиному подарку.

С тех самых пор у нас началось благодатное время рыбалок, пикников и вылазок за грибами. Меня не напрягали ранние подъемы и спонтанные ночевки в спальнях мешках под открытым небом. Я обожала ночные посиделки у костра, горьковатый запах пропитавшейся дымом одежды и мамины песни под гитару. У неё был необычный низкий тембр и обшир-

нейший репертуар: от Окуджавы до Пугачевой, от томительных романсов до откровенной белогвардейщины, которую так обожал папа. Всё зависело от настроения и компании людей, всегда и везде окружавших моих родителей.

Я очень любила маму и боготворила отца. Они удивительно дополняли друг друга, не позволяя быту и привычке разрушить или хотя бы омрачить нашу счастливую семейную жизнь. Родители всё и всегда делали вместе. Несмотря на то, что мама не работала, отец всегда ходил с ней на рынок, не позволяя носить тяжелые сумки и сам чистил картошку, стараясь беречь её красивые нежные руки.

Они посещали все театральные премьеры, выписывали, читали и страстно обсуждали всю дефицитную периодику и книжные новинки.

К очередному папиному повышению мама упоённо сочиняла домашнюю стенгазету, наклеив на лист ватмана фотографии из семейного альбома вперемешку с вырезками из журналов и заголовками газет. Получился забавный коллаж, который она дополнила стихами собственного сочинения и шутками, понятными только нам троим.

Папа был невероятно горд своей талантливой женой, отнес газету на ксерокс и долго хвастался перед всеми этой семейной реликвией.

Когда мне исполнилось пятнадцать, родители стали устраивать дома совместные взросло-детские праздники. Друзья родителей сразу приняли идею на «ура», чего нельзя было сказать о моих друзьях. Поначалу они отнеслись к необычной затее «слияния поколений» крайне скептически, долго присматривались, держали себя настороженно, почти враждебно. Но со временем интерес и творческий азарт взяли верх – от комплексов не осталось и следа, а в нашей маленькой квартире – места для всех желающих поучаствовать. Поэтому, теперь, только самые близкие из друзей получали заветное приглашение на воскресные обеды, к которым мы все очень тщательно готовились. Мама заранее объявляла меню выходного дня, напрягая всю свою кулинарную фантазию. Это могло быть всё что угодно: «По-длинная жизнь итальянских спагетти», «Что лучше: корейское «Хе» или русское «Фе»?» или просто «Тормознутость японской чайной церемонии». Папа, в свою очередь, готовил этническую мини-лекцию, которая должна была выглядеть как можно веселее и несерьезнее. Ну, а мне доставались конкурсы и викторины, которые я готовила с особым упоением, покупая на выделенные родителями деньги прикольные, нелепые призы. По возможности и желанию все присутствующие переодевались в соответствующие костюмы или просто цепляли на себя отдельные аксессуары. Все самозабвенно играли свои роли, смело импровизировали и танцевали до упаду под заранее подобранную музыку.

Если же, нам не хватало времени и вдохновения, или накрывала элементарная лень, мы скупали в ближайшем ларьке дюжину-другую самых обычных хот-догов и отрывались по полной. Вдохновенно горланили самосочиненный романс: «Ах, зачем мне эта собачья американская жизнь?», по-щенячьи повизгивая и весело размахивая бумажными американскими флажками. Хозяйева и гости обедались до икоты, хохотали до коликов и успокаивались только под ночь, вспоминая всю последующую неделю самые смешные моменты воскресного мероприятия.

А после того, как коллеги по работе подарили папе на сорокалетие «крутую» видеокамеру, в нашем доме появилась настоящая семейная киностудия «XX-столетие ЧПОКС», на содержание которой уходила львиная доля папиной зарплаты.

Я жила светло и беззаботно, привычной, устойчивой жизнью, не предполагая, что когда-нибудь всё изменится. Поэтому, когда Кристина, лучшая мамина подруга, вдруг стала часто и подолгу уединяться с мамой на кухне, я не заподозрила в этом ничего угрожающего.

Как-то за завтраком мама вдруг проговорила бегло, не поднимая глаз:

– Представляете, Кристина предлагает мне место заместителя в своей фирме... Смешно, правда?... Я ведь всё давно позабыла. Да и какой из меня заместитель...

Её голос звучал так неуверенно, а глаза так откровенно просили о поддержке, что я не смогла отреагировать как-то иначе:

– Ну что ты, мамочка, из тебя получится замечательный заместитель, ты же у нас такая умница. Непременно соглашайся! Будешь у нас теперь бизнес-леди!

Я, конечно, шутила и была абсолютно уверена, что на этом тема маминой неожиданной карьеры не только оговорена, но и закрыта. НАВСЕГДА. Папа, видимо, думал так же, потому что лишь рассеянно добавил:

– Да, да, конечно...

В маминых глазах появился радостный блеск, и она снова обратилась к нам, стараясь скрыть беспокойство:

– Вы что, серьезно так думаете?

– А если серьезно, то этот разговор не для завтрака. Вот вернусь вечером с работы, и мы обо всем поговорим.

– Но мне нужно... Кристина просила...

– Вечером. Все вечером, – мягко отрезал отец, вслушиваясь в прогноз погоды по телевизору, – чёрт, опять эти дожди, а у нас медоборудование не разгружено!

– Но я обещала Кристине, что приеду сегодня к ней на фирму присмотреться, – еще сильнее занервничала мама, явно не желая сдаваться.

– Ну, если обещала, поезжай и присмотришься! Обещания нужно выполнять. Все, дорогая, я побежал, опаздываю, – подытожил отец, стремительно вставая из-за стола. Несмотря на спешку и раздражение, исполнил утренний ритуал, неторопливо и нежно целуя жену в щеку. Мама проводила его до дверей и на два часа закрылась в ванной. Потом долго и дотошно подбирала себе наряд, то ныряя в недра гардероба, то вытанцовывая у зеркала. Наконец, она появилась на пороге моей комнаты.

– Ну, дочь, быстро рассказывай, как я выгляжу? – спросила неприступно-деловая, ставшая чужой, мама.

– Безукоризненно, – невесело, но честно ответила я.

Вернулась она достаточно поздно, перевозбужденная, с лихорадочным блеском в глазах. Радостно крикнула из коридора, влезая в домашние тапочки:

– Привет, семья!

И поинтересовалась участливо, заходя в комнату. – Вы уже ели?

– Ели, – мрачно ответили мы, не отрывая взгляда от экрана телевизора, демонстрируя тем самым всеобщую обиду.

– А, что ж тогда такие неласковые? – весело прожурчала она, заходя в комнату и падая в кресло – Бедные мои ножки. Совсем разучилась ходить на каблуках. Сереж, это не будет большим нахальством, если я попрошу помассируешь мне стопы?

– Не будет, – деревянным голосом ответил отец, не двигаясь с места.

Но мама словно не замечала нашего молчаливого протеста.

– Боже мой, если бы вы только знали, как же я боялась! Дрожала, как школьница! А всё оказалось совсем несложно. Ну, конечно, нужно будет кое-что перечитать, проштудировать законодательную базу, опять же – компьютер. Ты знаешь, Сережа, у них такой замечательный системный администратор. Он так здорово всё объясняет, думаю, за неделю-другую я освоюсь, – щебетала мама.

– Ты, я как понял, уже всё решила?

– Да это не я, это судьба за меня все решила! Подарила, так сказать шанс! Я думала-ты порадуетесь вместе со мной.

– Я радуюсь, – мрачно сказал папа, – только...

И замолчал, словно споткнулся обо что-то.

– Что «только»?

Отец снова не ответил.

– Ну, что «только»? Договаривай, раз начал, – в маминых словах проступила едва заметная обида.

– Только мне почему-то казалось, что у нас семья... Нормальная такая семья, где каждый интересуется мнением каждого, – я уловила в голосе отца незнакомые мне донные металлические нотки.

– Но, Сережа, я думала...

– Думала? А ты уверена, что это у тебя получилось?

Мама в одночасье вспыхнула, стремительно поднялась и вышла из комнаты. Отец, тяжело ступая, пошел следом. Они закрылись от меня в спальне. Они **ВПЕРВЫЕ** закрылись **ОТ МЕНЯ**. Из-за дверей долетали лишь обрывки фраз, из которых никак не складывались пазлы их разговора. Минут через сорок мама, пряча лицо, проскочила мимо меня на кухню. Но я успела заметить слезы в её глазах. И это тоже было **ВПЕРВЫЕ**.

Утром за завтраком в доме было напряженно, вечером зловеще тихо, а через два дня непривычно пусто. Мама вышла на работу.

Мудрый и любящий отец, совершенно неожиданно для меня, не стал обострять ситуацию и, встретил её вечером с работы букетом цветов и романтическим ужином. Он даже сделал ответный ход – выпустил праздничный номер семейной газеты, задействовав для этого меня и коробку моих фломастеров. Мама была невероятно растрогана, крайне взволнованна и как-то по-особому красива.

Папа, всецело уверенный в том, что мамино желание вырваться из домашнего плена очень скоро сменится тоской по этому самому дому, полным разочарованием в бизнес-начинаниях, а затем полной и безоговорочной капитуляцией, был спокоен, как удав. Но... Но он ошибся. Шли дни – мама приходила с работы озабоченная, сильно уставшая, но невероятно счастливая.

Всё реже стали собираться в доме друзья. А традиционные воскресные обеды, которые я так любила, «перекочевали» сначала в ресторан, а со временем и вовсе превратились в приятное воспоминание. Все чаще задерживаясь на работе и всё больше уставая, мама старалась упростить наш быт и, видимо, чувствуя свою вину, то и дело находила повод «повоспитывать» меня или придраться к папе. Он, в свою очередь, обнаружил в себе неожиданное и очень мужское пристрастие – охоту и стал на выходные исчезать из дома. Мама не возражала. Теперь у неё были свои друзья и свой мир, в котором она была востребована и счастлива. Без нас.

Внешне всё выглядело как прежде, но что-то очень важное, жизненно необходимое исчезло навсегда. Я не один раз пыталась вызвать родителей на разговор, но мама лишь нервно отшучивалась, а папа мрачно отмалчивался.

В тот день я, доведенная их вежливым равнодушием до слез, хлопнув дверью, ушла из дома, строго-настрого запретив друзьям «сдавать» предкам моё «временное пристанище». Пристанищем служили пятикомнатные апартаменты лучшей подруги Наташки, которая, проводив родителей на море, вторую неделю упивалась полной неконтролируемой свободой. Сутки напролет тут гудела музыка, зависала тусовка, мигрируя из комнаты в комнату, меняясь в составе и опустошая холодильник.

Именно здесь сквозь сигаретный дым и пелену невыплаканных слез я впервые увидела Его. Влекомая смутным, неясным предчувствием чего-то необыкновенного, я подошла ближе и остановилась, деревенея под пристальным, внимательным взглядом необыкновенных синих глаз. В дальнем углу комнаты что-то (или кто-то) с грохотом упало. Я вздрогнула, незнакомец обернулся на стук. «Жюльен Сорель...» – восхищенно подумала я, разглядывая

французский профиль и упавшую на лоб жгуче черную прядь вьющихся волос. На фоне окна, в лучах заходящего солнца, он смотрелся фантастично, почти нереально.

– Наташка, это кто? – поинтересовалась я шепотом, метнув взгляд в сторону смуглого черноволосого парня, сидевшего в одиночестве на подоконнике.

– Ты о ком? – напряглась подруга, пытаюсь сфокусироваться. Кто-то уже успел накачать её пивом.

– Ну, вон на окне. Посмотри! Правда, он похож на Жюльена Сореля?

– На кого? – сморщилась Наташка, громко икая.

– На Жюльена Сореля из романа Стендаля «Красное и черное», – объяснила я, почему-то раздражаясь. Наташка, которая всегда понимала меня с полуслова вдруг начала тупить.

– А! Так бы и сказала, на артиста Еременко, – обрадовалась подруга, расплываясь в блаженной улыбке. Это был один из самых любимых актеров её мамы.

Наташка, в отличие от меня, книг совсем не читала, а классику изучала исключительно посредством кинематографа.

– Ну и кто он такой? – повторила я свой вопрос, предательски краснея под пристальным взглядом синеглазого гостя.

– Кто? – Наташка явно перебрала и плохо соображала, – А! Этот... актер... Помнишь, он в этом фильме играл... ну... как его... А! «Пираты XX века».

– Какие пираты? Я тебя про парня с подоконника спрашиваю! – прошипела я, тихо зверея.

– Откуда? С подоконника?... Понятия не имею, – аппетитно зевая, лениво ответила подруга. – Тут каждый день кто-нибудь новый зависает на подоконнике...

В эти минуты мое внимание отвлек Наташкин сосед Леха, приставший к нам с дурацкими разговорами и недопитой бутылкой вина. Он настойчиво уговаривал нас выпить с ним на бруденшафт. После многочисленных, но безуспешных попыток объяснить Лехе, что мы пить категорически не хотим, пришлось призвать на помощь «последний аргумент» – нашего одноклассника Витька, боксера-перворазрядника. Леха ушел, смертельно обиженный и непонятый.

Вздохнув с облегчением, я обернулась к окну. На подоконнике было пусто. Я металась по квартире, среди курящих, танцующих, пьющих и целующихся гостей, лихорадочно соображая, куда мог подеваться мой загадочный Жюльен Сорель. Затем попыталась отыскать незнакомца на сизой от сигаретного дыма лестничной площадке. Напрасно. Синеглазый романтик бесследно исчез. Враз осиротевшая, я вернулась в квартиру опустилась на тот самый подоконник. Неизвестно откуда в сердце просочилась тягучая, неутолимая тоска. И тогда, совершенно неожиданно для себя, я вскочила и заорала на Наташку:

– Какого черта!!

От неожиданности Наташка потеряла равновесие и плюхнулась в кресло. А меня понесло:

– Какого черта делают здесь все эти люди? А?! Кто они тебе? Друзья? Родственники? Может быть- собеседники?

– Алён! Ну, ты чего... ну, позажигал народ немного... Чего ты вдруг взбесилась!

– Я взбесилась?! Да... я взбесилась! Потому что ты напустила в квартиру всяких уродов, устроила вокзал... Заваливай кто хочешь! Ни имени, ни адреса!

– Но, ты же сама хотела оторваться, что-то про дух Свободы пела, про какую-то там взрослую жизнь! – попробовала огрызнуться Наташка. – Я ж для тебя старалась.

– Старалась, да перестаралась! Свинством тут пахнет, а не свободой! И кому это все потом разгрести? Тебе? Мне? Или маме с папой?

– Это ты из-за этого брюнета так завелась? – догадалась вдруг сообразительная подруга и поспешила меня успокоить. – Да, узнаю! Узнаю я тебе и имя его, и адрес!

Наташка попала в самую точку и это разозлило меня еще больше:

– Значит так – или ты сейчас же выпроваживаешь отсюда всех своих гостей, или ухожу я!

По всей видимости, я была убедительна. Наташка послушно поднялась и поплелась искать Витька. Без его помощи нам с гостями было никак не справиться.

В родительской спальне тусовка «зависала по полной»: курила, сбрасывая пепел на пол и в горшки с цветами, заливалась пивом, травила анекдоты, тискалась, ржала и громко общалась между собой, заглушая истошно орущий магнитофон. Я пробралась сквозь дым и беспорядок к столу и нажала кнопку. Возникшая вдруг тишина застала гостей врасплох. Они разом смолкли, беспомощно озираясь по сторонам. Тишина действовала на загаженные попсой мозги так же разрушительно, как их музыкальный отстой на нормальных людей.

– Эй, ты чиво? – первым вышел из стопора рыжий конопатый парень, пытаясь протиснуться к магнитофону. Но я предупредительным жестом выдернула из гнезда шнур и, намотав его на руку, сказала:

– Всё, время отчаливать по домам и подворотням!

– Натаха, я не понял, а чё она тут командует, а? Она чё, типа крутая? – попытался натравить на меня подругу странноватый парень с глазами попавшей под трамвай лягушки.

– Да, я уже крутая! А ты еще всмятку. Поэтому убедительно прошу тебя и всех твоих недоваренных друзей встать и валить отсюда по-быстрому! Считаю до трех, – отбила я нападение, бесстрашно помахивая шнуром перед лицом пучеглазого.

– А ведь она в натуре нарывается! – полез он в бутылку, поднимаясь.

– Ладно, народ, сваливаем. Всё равно хотели по бульвару перетрястись, – встал между нами рыжий, но уже в дверях, на всякий случай «наехал»:

– Борзеешь, девчонка, смотри нарвешься.

– Нарываться для меня святое: то на мину наступлю, то в дерьмо вляпаюсь, – засмеялась я.

Углядев за моей спиной подросшего Витька, рыжий набычился, но продолжать спор не стал, а медленно пошел на выход. Следом за ним потянулись остальные гости. Уже через четверть часа мы с Наташкой, опять же не без помощи Витька, освободили квартиру от невероятного количества мусора: пластиковых бутылок, баночек из-под пива, пустых пакетиков из-под чипсов и арахиса, конфетных фантиков и упаковок презервативов. А потом три с лишним часа самоотверженно чистили ковры, отдирали прилипшие намертво жвачки и драили полы. А после, выпроводив Витька, смертельно уставшие, но очень гордые собой, долго отмокали в ванной. Отлежавшись, тщательно терли друг другу спины и плечи, дурачились, взбивая к потолку хлопья пузырчатой пены, и даже целовались, подражая кому-то из американского кино. Потом валялись в спальне на шелковых простынях, делали маникюр и делились невинным девичьим опытом и буйными чувственными фантазиями.

Ночью мне приснился парусник с алыми, бьющимися на ветру парусами. На залитой солнцем палубе стоял капитан Грэй с невероятными синими глазами и смотрел на меня с такой любовью и нежностью, что я проснулась от стука собственного сердца, готового выскочить из груди. «Вот, дура! Романтичная...» – обозвала я саму себя мысленно, понимая, что пропала.

Эти синие глаза не давали покоя мне, а я – Наташке. Вот уже третий час подряд она добросовестно обзванивала всех своих гостей, пытаясь получить хоть какую-то информацию о загадочном герое моего книжного романа. Но никто ничего о нем не знал. В какую-то минуту мне даже стало казаться, что Его вовсе не было. Странная таинственность, окутывавшая неясный образ, воспаленные девичьи мечты и тайные желания, сделали своё дело – я СМЕРТЕЛЬНО влюбилась. В мальчишку без имени. В мальчишку ниоткуда. В мальчишку с глазами цвета неба.

Тем временем мои родители не на шутку переполошились, подняли на ноги полгорода и на третьи сутки подключили к поиску папиного друга, частного детектива. Константин Дмитриевич молниеносно вычислил место моего обитания и уже к вечеру следующего дня меня с позором и упреками депортировали домой.

В машине мама рыдала навзрыд, а по приезде домой перестала со мной разговаривать. Папа, напротив, был чрезвычайно многословен. В течение часа он взывал к моей безвременно уснувшей совести и был так убедителен и логичен, что, в итоге рыдала уже я, горькими покаянными слезами на широкой отеческой груди.

После этой истории папа стал необычайно заботлив и внимателен. Его интересовало все: что я ем, где бываю, кому звоню. Чего нельзя было сказать о маме. Её реакция оказалась совсем иной. Мама, затаив то ли обиду, то ли злость, держалась со мной подчеркнуто холодно и отстранено вежливо, заставляя меня плакать по вечерам в подушку тихими беспомощными слезами.

К тому времени бизнес Кристины набирал обороты, фирма стремительно разрасталась, подминая под себя конкурентов и новые территории. А после того, как один из её соучредителей неожиданно уехал в Австралию на ПМЖ, мама и вовсе «заболела» идеей партнерства, практически перестав бывать дома.

Последней каплей, переполнившей чашу отчаянья, стало мое шестнадцатилетие, о котором мама попросту... ЗАБЫЛА.

Я пожертвовала в этот вечер всем: «пати» с друзьями, девичником с близкими подругами и даже подаренным Наташкой билетом на концерт обожаемого мной «Океана Эльзы».

Наташка беспросветно и, как мне кажется, абсолютно справедливо, обиделась. С самого обеда и до вечера я накрывала праздничный стол. Готовила всякие вкусности, ставляла свечи, сворачивала хитрым способом ажурные салфетки, раскладывала по феншую фрукты и цветы. Маленькие трогательные букеты угасающих астр. Сотню раз я набирала номер любимой подруги, готовая выдать на гора самую искреннюю и покаянную речь. Столько же раз я звонила маме. Часов в девять вечера я в последний осуществила попытку до них дозвониться, выслушала длинные безответные гудки и пошла уговаривать папу надеть парадный костюм.

Папа вышел из комнаты нарядный и очень торжественный, держа перед собой небольшую бархатную коробку. Я открыла и обомлела. Это было настоящее бриллиантовое кольцо. Пусть не вычурное и массивное, пусть с небольшими осколочками, но самое что ни есть настоящее. «Взрослый подарок для взрослой дочери», – улыбнулся папа, считывая мой восторг и нежно целуя, – «С днем рождения, моя хорошая...»

«Папа... ты... Ой, папа... ты самый лучший», – лепетала я, не в силах оторваться от зеркала.

Мы прождали маму до полуночи. Но она так и не появилась. И не перезвонила. На мою попытку дозвониться автоответчик беспристрастным голосом офис-менеджера попросил оставить сообщение. Мобильный телефон гнусно констатировал: «Ваш абонент недоступен или находится вне зоны действия сети...».

Я закрылась в ванной. Рыдала долго и безутешно. Мама была от меня вне досягаемости...

Папа впервые в жизни напился и уснул тут же, за столом, среди поплывшего стеарина, поникших астр и остатков праздничного торта.

Наутро обида прошла. Появилась злость. И стала разъедать меня изнутри, как ржавчина. Даже после запоздалых маминых извинений, длительных объяснений, искренних поздравлений и целой кучи подарков, злости не стало меньше. Я равнодушно выслушала сбивчивый мамин рассказ о том, как они с Кристиной застряли в одном из филиалов фирмы,

где якобы нет ни одного нормального телефона, а мобильный, как назло, не берет – и почувствовала, как во мне вызревает план мести.

По дороге в школу к стратегии добавились тактические ходы, и мне не доставало лишь одного – подходящего исполнителя, главного героя, а вернее-героини.

И тут я увидела Ларису.

Она, как обычно, была невыносимо хороша. Двадцатитрехлетняя красавица-соседка общалась, как правило, со взрослыми и состоятельными дядями, но порой её ненадолго заносило в нашу малолетнюю компанию. Она отогревалась в трепетных взглядах незрелых воздыхателей, пылающих тайной или явной, но всегда безнадежной страстью, готовых в любую секунду умереть у её потрясающих ног.

Чего она искала в жизни, никто не знал. Хотя и подвозили её к дому на крутых тачках богатенькие владельцы всего того, чем можно владеть, в сопровождении «бульдогоподобных» охранников, репутация её оставалась удивительно безупречной. О её переборчивости ходили легенды. По одной из них, какой-то там шейх готов был заплатить пять миллионов американских долларов за одну только ночь с украинской красавицей. Шейх был готов, а она ему отказала. Правда это или нет, я не знала. В тот момент я знала лишь одно – сейчас мне нужна именно Лариса.

И уже через пятнадцать минут, забив на контрольную по физике, я сидела в дорожном кафе с самой сексапильной девушкой города, уговаривая её стать моей сообщницей.

То, о чем я просила, поначалу шокировало даже её, искушенную в интригах. Лариса смотрела на меня с удивлением, почти с опаской. Ей трудно было поверить в то, что я просила её... **СОБЛАЗНИТЬ МОЕГО ОТЦА.**

Поэтому, чтобы заполучить её в соучастницы, мне необходима была предельная искренность. Я не только предельно честно и очень подробно рассказала Ларисе все тайны нашей «образцовой» семьи, но и озвучила ей главный мамин страх. Никто и подумать не мог, что красивая благополучная женщина, обожаемая мужем, больше всего на свете боится остаться одна.

У этого страха тоже была СВОЯ давняя история. Моя бабушка умерла, когда маме не исполнилось и трех лет. Прожив долгие годы под прессингом авторитарной, сразу невзлюбившей её мачехи, падчерица не приобрела эмоционального иммунитета, а наоборот стала панически бояться одиночества. Муж, своей всепроникающей любовью, заботой и преданностью, казалось, должен был навсегда избавить её от этого страха. Должен был. Но, видимо, не смог... Мама всегда панически боялась его поздних задержек с работы. Была подозрительной, мнительной и жутко ревнивой. За долгие годы совместной жизни она приучила отца к частым телефонным звонкам и подробнейшим отчетам. Увлеченность работой казалось бы притупила в ней эти страхи, но я точно знала, что где-то там в глубине души... Знала и решила, что если лишить маму привычного покоя, выбить почву из-под её ног, то все вернется на круги своя... Я хотела вернуть прошлое, чтобы изменить будущее, казавшееся мне тогда абсолютно безнадежным. Я была убеждена, что только ревность, только страх потери сможет вернуть маме такой комфортный для нас всех статус хранительницы домашнего очага.

Лариса сопротивлялась как могла. Но спорить со мной было трудно, практически невозможно. Я вцепилась в неё мертвой хваткой бойцовской собаки. Для начала я попробовала усомниться в её магическом влиянии на мужчин, что, по моему мнению, должно было зацепить Ларискино самолюбие и подтолкнуть к действию. Но это как раз абсолютно не «сработало». Затем последовала серия столь же глупых, сколь и наивных попыток сманипулировать ею. Но Лариса была явно взрослее и умнее и на манипуляции не велась... Мои убеждения и «железные» аргументы на неё никак не действовали. Зато подействовали мои

слезы, неожиданно брызнувшие из глаз, когда я поняла, что мой гениальный план провалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.